
Вадим
Пересветов

МНЕ.RU

Вадим Пересветов

Мне.ru

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51385707

ISBN 9785449832962

Аннотация

Абсолютно реальные истории из жизни в Советском Союзе в 80-е годы, рассказанные автором в виде воспоминаний о работе и о службе в армии, где процветала уродливая дедовщина. В обстановке, когда «было бы за что – вообще убили», рядовому солдату предстоит окончить два курса Института иностранных языков. Как и какой ценой ему это удалось, теперь узнает и читатель, а заодно познакомится с весьма любопытными персонажами, встретившимися автору при разных обстоятельствах.

Содержание

Quod scripsi, scripsi...	5
Трудности перевода	11
Чей солдат крепче?	15
Математика перевода	21
Курить – здоровью вредить	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мне.ru

Вадим Пересветов

Дизайнер обложки Ольга Корнилова

Фотограф Сергей Щербаков

Читает автор

Музыка рок-группы Мартин и СС 20

© Вадим Пересветов, 2024

© Ольга Корнилова, дизайн обложки, 2024

© Сергей Щербаков, фотографии, 2024

ISBN 978-5-4498-3296-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Quod scripsi, scripsi...

У каждого творческого человека есть «пауза тишины». И наступает она, когда, казалось бы, после очередного бурного всплеска ты полностью опустошен, обескуражен и не знаешь, что делать дальше. Со мной это было множество раз. Это могло привести к глобальному кризису или к кризисной ситуации местного масштаба, к депрессии или тихому пьянству. «Пауза тишины» привела меня к очередным размышлениям, что самое правильное. Но мои размышления затянулись... на целые годы. И виной всему не только сомнения в себе самом, что свойственно любому по-настоящему творческому человеку (бездарям это совсем неведомо), но и время, в котором мы живем, стремительно меняющем понятия о простом и сложном, о черном и белом, и соответственно обо всем, что составляет основу бытия. Казалось бы, кое-что позади. Три, безо всякого преувеличения востребованных книги «Журналистика: секреты успеха», обошедшие весь мир, включая США, Канаду, Австралию и даже... Украину, где обычные человеческие ценности еще живы несмотря ни на что. Титулы «бестселлер» и «эвергрин», дали возможность пиратам снять сливки с чужого труда, а автору остаться с тем, что осталось. Четвертая книга «Журналистика FULL», из зависти обруганная задроченными серыми мышками от образования, злобными троллями из сети

и уездными лузерами, – тоже бестселлер. И, наконец, «Телеграммы из детства», которую я долго не решался публиковать, потому что её могут читать не только одноклассники.

Но одноклассники оказались к чтиву, по большей мере холодны, кроме Олега Гудкова, узнавшего себя в одном из описанных персонажей, и Алины Степановой, позвонившей из Швеции и сказавшей: «Ой, Вадик, я так смеялась, смеялась». Больше всего мне понравилось обращение Вадик, ибо все меньше людей могут обратиться ко мне именно так. И, конечно же, Лиля Лакшин, живущая в Канаде. Спасибо, что помогла мне написать дайджест «Телеграмм» на грамотном английском, но со сравнением с «Похороните меня за плинтусом» я не согласен.

Остальным одноклассникам было просто лень нажать на кнопку и скачать книгу из сети, а может быть, они просто не знали, что она там есть. Такое тоже возможно в наше время, когда ты будешь кричать на весь мир, а мир этого может просто не услышать. И не потому что не хочет, а потому что ты недостаточно громко и часто кричал, не был Фриденсрайхом Хундертвассером и подобным ему чудачком.

Зато неожиданный интерес к «Телеграммам» проявили художник от Бога Юрий Козловский, сделавший к ним несколько иллюстраций, и соотечественники из Франции (привет Татьяне Пинской), пожелавшие иметь мою книгу в печатном, а не только в электронном виде. В связи с этим было изготовлено эксклюзивное количество экземпляров

все на том же родном для меня и для них языке, и «Телеграммы из детства» окончательно материализовались во времени и пространстве. Опять-таки, спасибо моему давнему приятелю Косте Корнилову, знающему толк в издательском деле, и умеющему беречь не только свою, но и чужую копейку.

В случае с 5-й книгой я не рассчитывал на успех и не собирался заработать каких-либо денег. В наше время – это, по меньшей мере, совершенно наивно. Автор умопомрачительного «Хазарского словаря» и других произведений нелинейной прозы Милорад Павич, сказал, что в XXI-м веке не будет хороших литературных произведений, и не потому что не будет тех, кто их сможет написать. Писателей, как раз, будет предостаточно. Не будет читателей, способных их оценить. За точность высказывания не ручаюсь, ибо цитирую по памяти, а в первоисточнике («Роман, как держава») искать лень, но смысл верный. И пророчество мудрого серба, к сожалению, сбывается. В 2019-м в России «умер» последний писатель, кормившийся с листа. Именно по этой причине я задумался, а надо ли писать дальше? Ни денег, ни читателей. Впрочем, одного или двух я знаю наверняка...

А еще очень трудное, изматывающее меня взросление дочери, которое просто отбило всякое желание писать: и если я вернулся к этому занятию, то не благодаря, а вопреки. Нужно было переключить сознание. К тому же, писательское нутро берет свое. Замысел внутри писателя зреет помимо его воли, а неразорвавшуюся гранату невозможно носить в голо-

ве. Её необходимо вовремя обезвредить. Вырвать чеку на бумаге или на экране компьютера, чтобы содержимое заполнило *tabula rasa* или его виртуальный клон. И вот, я уже знаю, о чем будет моя новая книга, и как она будет называться. Ведь рассказывая истории о себе и о других, мы строим мир, в начале которого было Слово. Мы – творцы истории, в особенности те, кто умеет закреплять слова в сознании других людей, а не только в своем собственном. Мы – авторы тех книг, которые уже увидели свет, и тех, которые только готовятся к своему появлению. А я из первого и из второго списка. И вторым горжусь больше, чем первым, ибо понимаю, что еще что-то могу, что могу создать если не вселенную, то хотя бы небольшую квартиру, с кухней, ванной и туалетом, в которой каждый найдет если не место для своего существования, то, по крайней мере, знакомый предмет. Возможно, что-то просто лежит на полу, ибо было случайно обронено при редкой уборке или неловком движении. Может быть, что-то попало под ковер и там пролежало целые десятилетия, потому что его не считали нужным переворачивать, а только изредка пылесосили сверху.

К тому же, впереди очередной рубеж – 60. Пора снова «раздеться», да и поименовать людей, встречавшихся на жизненном пути, тоже вполне возможно. Многих уже нет в живых. Тем, кто уцелел в борьбе со вселенским отбором, может быть интересно встретить свое имя, кому-то наоборот – повод пожалеть о содеянном. Кому-то я намеренно из-

менил имена, кого-то просто обозначил инициалами, а кого-то и вовсе не поименовал, оставив этого человека в ярких «одеждах», но абсолютно безликим. Так надо. И пора в очередной раз вспомнить то, что было, потому что впереди уже, скорее всего, ничего примечательного в моей жизни не будет. Как и не будет новых друзей, чей статус всегда относителен. Ибо с годами ты понимаешь, что ты и есть сам себе друг и враг одновременно. Поэтому первоначальный вариант названия книги был – «Письма к себе». Но есть желание, чтобы книгу прочли не только люди моего поколения, но и молодые, поэтому я остановился на «Мне.ги»: им так понятней. Хотя были бы возможны «Письма из юности», по аналогии с теми же самыми «Телеграммами из детства», или что-нибудь еще.

В отличие от «Телеграмм», я не буду нырять из прошлого в будущее и наоборот, но, как всегда, повествование пойдет от первого лица, несмотря на то, что мой приятель и коллега по переводческому цеху, человек тонко чувствующий слово, Кирилл Бузин возмущается: «Ненавижу, когда пишут от первого и в настоящем времени»! А по мне от первого – так честнее! Конечно, легче спрятаться за вымышленным именем, как это частенько делали мои любимые авторы Эрнест Хемингуэй, Габриэль-Гарсия Маркес и Эрих-Мария Ремарк, только автор всегда узнаваем, ощущается за любым самым зашифрованным и вроде бы случайным героем на уровне флюидов. А обозначив себя местоимением пер-

вого ряда, тут же понимаешь, что ограничиваешь собственное «я» в фантазиях, как положительных, так и отрицательных. То есть, твоя темная сторона остается по-прежнему с тобой, а светлая не будет светлее ни на йоту. Единственным правилом, взятым от Хемингуэя на вооружение и применимым на практике, остается: «Пиши пьяным, редактируй трезвым». С ним мы и пойдем по тексту, благо водка по-прежнему стоит недорого, а самые значимые произведения великого классика, к счастью для меня, прочитаны задолго до его ранних рассказов, которые по сравнению с его нетленками, оказались просто ни о чем.

Впрочем, хочу покаяться. Иногда я нарушал постулат старика Хэма и не только писал несколько расслабленным, но и редактировал в таком же состоянии. Так что, простите, ежели что. Главное – я был откровенным. Ибо мне хотелось избавиться от багажа прошлого и продолжить свой путь налегке. Поэтому я знаю начало своей книги, но весьма смутно представляю себе её продолжение, собираясь импровизировать с нарративом по ходу, и совершенно не понимаю, каким будет конец. Короче, я беру один из чемоданов и пересекаю черту. А дальше: *quod scripsi, scripsi...* или *еже писахъ, писахъ...* если хотите. Да, и еще. Несмотря на то, что повествование идет от первого лица, я хотел бы, чтобы запомнилось не мое имя, а то, что я написал.

Трудности перевода

Мой отец был военным. Военным до корней волос и кончиков пальцев. Еще совсем юным, будучи курсантом, он успел поучаствовать в Великой Отечественной и был награжден медалью «За Боевые Заслуги». Как говорят сами военные, орден «Красной звезды» – это признание офицерской доблести, медаль «За Боевые заслуги» – солдатской. После этого редкая война или военные приготовления в различных точках мира обошлись без его участия. Были и другие многочисленные награды, в том числе и упомянутый орден «Красной Звезды», полученный за Афганистан. В 42 года батя был уже полковником Генштаба, и далеко не все штабисты знали о его существовании в недрах этой структуры. Зато были злопыхатели: «Слишком молод для такого положения. А не его ли отец вешал в лесу советских партизан»? Метод «тухлой селедки» свалил батю с ног. Как не отмывайся, запашок останется. Тогда его хватил первый инфаркт. Назначили проверку. На защиту отца встал прославленный летчик-истребитель Иван Кожедуб. Защитить доброе имя деда – потомственного заслуженного гражданина России могу только я, поминая его статус в своих редких писаниях.

Батя очень хотел, чтобы я стал военным. Но меня интересовал только рок-н-ролл, модели гитар и усилителей, а также, девушки и женщины, любившие парней с гитарами

и свободные отношения. «Связался с волосатыми, – говорил мне отец, – толку от тебя никакого». И вместе с тем, с упорством, достойным лучшего применения, продолжал продавливаться воплощение своей мечты о моем офицерском будущем. Сначала это была чистой воды агитация. Отец ненавязчиво рассказывал о преимуществах службы в армии в отличие от любой другой гражданской профессии. Говорил, что служба – это для настоящих мужчин. Потом, когда понял, что меня это не впечатляет, перешел к репрессиям, и когда мне исполнилось 17 лет, полностью финансово отделил меня от семьи, сказав: «Сынок, единственное, что я могу для тебя сделать – это устроить тебя на работу. Но учти, из месячного заработка ты должен отдать в семью 30 рублей на еду, единый билет и обеды на работе также за твой счет. Остальное твое. Как ты этим распорядишься – пропьешь, прогуляешь, проиграешь в карты, – дело личное». (Батя знал, что я играю в карты на деньги, поэтому последнее в перечислении не было для красного словца). И о чем было говорить, если моя первая должность младшего редактора Редакции переводов с романских, славянских и редких языков во Всесоюзном Центре Переводов научно-технической литературы и документации (ВЦП) при ГКНТ и АН СССР (Государственный комитет по делам науки и техники и Академия Наук) оценивалась ровно в 70 рублей, не считая налогов, в том числе и налога на бездетность, который существовал в 80-е годы прошлого столетия, и страшно бесил меня, не помышлявшие-

го ни о какой семье.

Возможности для профессионального роста в конторе тоже были скромными, а старшие товарищи не спешили делиться своим опытом с молодыми сотрудниками. Ведущий разделы физики, математики и радиоэлектроники Владимир Оврамович Гурбановский в ответ на любую просьбу скалил свои желтые зубы и отпускал какие-нибудь скабрзные шуточки. Из запомнившихся – диалог с редактором испанского языка Клавдией Васильевной Кронберг по поводу, какое название лучше подойдет для перевода о том, как размножаются рыбы.

– Володь?

– А! – коротко отозвался постоянно хмурый и неразговорчивый Гурбановский.

– Ты знаешь, я даже не знаю, – Клавдия Васильевна озабоченно поправила парик обеими руками и приосанилась.

– Что, Клавочка, что тебя мучает? – Гурбановский на минуту оторвался от стола, снял очки с толстыми линзами, наминающими экран первого телевизора, повернул голову и оскалился в волчьей улыбке.

– Ну, вот тут перевод пришел, что-то про половые органы рыб, а названия нет. (По правилам у любого перевода должно быть название – прим. авт.). Я думала, думала и решила – «Роль половых органов в жизни рыб». Как, звучит?

– Нет, Клавочка, я полагаю, надо что-то поосновательней. Что-то типа: «Роль презервативов в жизни слонов!» И он от-

вернулся от стареющего секс-символа романской редакции, запев свою любимую песню: «Собачка лаяла, на дядю фраера, ба-ду-би-ду-би, ду-би-ду-би, ду-би-ду-би...»

Надо ли говорить, какую бурю эмоций и жестов однажды вызвал перевод с русского на французский словосочетания «половая метла», которая на языке озабоченных жратвой и адюльтером лягушатников именуется просто *un balai*, но почему-то было переведено как *un balai sexuel*. Мужская часть редакции вскочила со своих мест и каждый по очереди стал изображать, как именно метет эта половая метла, можно ли ей убирать со стола и вытирать пыль на потолке. И даже наша, обычно строгая начальница Валентина Михайловна, которая по выражению всё той же Клавочки «пришла злая, потому что не ё... ная», смеялась от души, одновременно с этим заливаясь краской стыда и пряча голову в свою необъятную грудь.

Единственный вопрос, на который мне однажды ответил Владимир Оврамович за одиннадцать лет работы в ВЦП, был вопрос о воспаленных фалангах на его руках. «Ну, это в концлагере, в Бельгии. Когда лёд кололи ломами, а варежек нам немцы не давали. Вот и застудил тогда. У отца такие же. Вместе там были».

Чей солдат крепче?

Очень часто военная тема продолжалась в курилке, где Валера Лихоборов, экс-капитан советской армии однажды поставил вопрос ребром: «Чей солдат крепче – советский или американский?» Информационно подкованные проф-орг Центра Гена Толкачев и любимец всех женщин Костя Пинчук тут же принялись рассуждать о количестве и качестве вооружений той и другой стороны, их технических характеристиках, новых разработках и о многом другом, что может быть связано именно с оружием.

Лихоборов слушал, курил одну сигарету за другой и пускал дым изо рта и ноздрей одновременно, отчего многочисленные марганцовочные прожилки на лице, способные по яркости поспорить со светофором на Лубянской площади, становились немного светлее. (Пребывания в альма-матер военных переводчиков в туркменском городе Мары не прошло бесследно). Всякий раз при упоминании Мары, мы гражданские вздрагивали, ибо были наслышаны от военных переводчиков про эту самую глухую дыру на территории СССР, где им приходилось бывать, и которой пугали с самого первого курса их родного Военного института иностранных языков, куда я одно время даже собрал документы. Самых больших раздолбаев начальство надолго «прописывало» в этом населенном пункте, некогда бывшем местом

ссылки для нерадивых офицеров времен покорения Средней Азии генералом Скобелевым.

Местом ссылки город остался и при советской власти. Мары стал большой «зоной», куда со всего Союза свозили «преступный элемент». Со временем отбывшие срок наказания, заключенные освобождались, и многие из них, особенно лишенные права жить в крупных городах, оставались там же, обзаводились семьями. Часто отпрыски шли по стопам родителей, не собиравшихся завязывать с криминалом, поэтому к началу 70-х годов в Мары выросло не одно поколение людей с уголовным менталитетом. Там же скрывались от правосудия преступники, наследившие в других местах огромной страны. Часто бывшие зэки снова оказывались за решеткой из-за новых преступлений. Про Мары говорили: «Одна половина города сидит, другая – ждет посадки». Встреча с теми, «кто ждет», где-нибудь в тупике или безлюдном узком проходе между глухими дувалами, не сулила ничего хорошего. И если вы слышали в свой адрес «эй, ара-пацан», то вслед за подобным обращением вам вполне могли предложить отдать личные вещи, и продемонстрировать «перо», если вы были с этим не согласны.

Когда военных переводчиков назначали в патруль по городу, то в целях собственной безопасности необходимо было поменять фуражку с красным околышком на фуражку с черным, а петлицы на артиллеристские. Красный цвет ассоциировался у бывших уголовников, не сильно отличавше-

го его от крапового или кирпичного, с формой внутренних войск, солдаты которых охраняли их на зоне, и он действовал на них, как красная тряпка на быка. Поэтому патрульные обычно загодя передергивали затвор пэема и перекладывали ствол во внутренний карман брюк или шинели...

Без особой необходимости в город лучше было не выходить даже в дневное время; в самых разных местах то и дело вспыхивали драки, исходом которых могло стать все что угодно. Разгул преступности был таков, что протекавшую через город реку Мургаб после праздников перегораживали сеткой-рабицей, чтобы вылавливать трупы. Из этой же реки с илистым дном брали воду для производства местного пива и водки «Ашхабули», не дотягивавшей до 40 градусов, способных убивать всякого рода заразу, которую можно было запросто «найти» в пище, раскаленном воздухе пустыни и всё в той же бутылке водки в виде залетевшей туда мухи, окурка или куска газеты непонятного предназначения.

Вот в таком «замечательном» месте был выстроен учебный центр войсковой ПВО, где проходили подготовку зенитчики из развивающихся стран. Место выбирали по схожести климатических условий: до Кушки, считавшейся самой южной точкой на карте СССР, было всего 120 километров. И, конечно, собирались спрятать учебный центр подальше от посторонних глаз. Но местный климат оказался более тяжелым нежели климат иных ближневосточных и африканских стран, а на базаре любой мальчишка знал, где находит-

ся «арабская часть», постоянный состав отделения переводов которой формировался, как правило, из провинившихся коллег, отправленных на «исправление». Впрочем, оказаться в Мары можно было и «по производственной необходимости», когда не хватало штатных переводчиков.

Лихоборов продолжал курить, бросал насмешливые, почти надменные взгляды на Толкачева и Пинчука, а затем резко оборвал бесполезный на его взгляд разговор, ударив ребром ладони по подоконнику:

– Нет, ребята, всё не так, все не так как надо! – невольно процитировал он Высоцкого.

– В смысле? – занедоумевали присутствующие.

– Надо провести эксперимент, – торжественно сказал Лихоборов и еще раз окинул взглядом присутствующих в курилке.

Солнечный луч на секунду высветил на его шее еще одно «напоминание» о Мары – похожий на большие оспины, безобразный шрам, образовавшийся на месте укуса «пендинкой» – наигнуснейшей тварью, выраставшей из личинки обычного комара, отложившего свое потомство на полуразложившемся трупе какого-нибудь животного. Нарыв от зараженного трупным ядом кровососа, превращался в незаживающую язву. Кожа трескалась, на месте укуса появлялось нечто похожее на уродливый мокнувший цветок «марыйскую розу». Через несколько месяцев язва подсыхала...

– Выезжаем в Мары, в пустыню, – продолжил Лихоборов.

– Август. 45 градусов в тени. Когда солнце в зените, сажаем на лавку напротив друг друга солдат – американского и нашего. Без головных уборов и в сапогах, чтобы змеи, скорпионы и тарантулы не смогли укусить ни того ни другого, и не отвлекали от процесса. Выставляем секундантов. Ставим трехлитровую банку самогона, режем пополам буханку черного. Выдаем по одной луковице. В одинаковые стаканы наливаем по 150. Пьем через равные промежутки времени. Вот и посмотрим чей солдат крепче!

Мужики заржали как арабские скакуны. Дамы из английской редакции Мила Кос и её подруга Ксения, грациозно затушив сигареты, покидали курилку. Вместе с ними покидала курилку Таня Васильева – выпускница самой загадочной формации военного института – женского факультета. Чему там учили юных девушек даже трудно представить, но мы-то догадывались, что не только стрельбе из оружия и иностранным языкам.

В накуренном пространстве остались «бракованный» разведчик ИГ и Танечка Шадрина, к которой ИГ дышал весьма неровно, да так что сам иногда даже не замечал внешних проявлений своего чувства, хотя они в достаточной анатомической конфигурации были отчетливо видны всем остальным.

– Знаете, Танечка, – начал ИГ, доставая очередную сигарету из помятой в кармане пачки обычной «Явы», – когда я

улетал из Вены, вся Вена была в огнях, в огнях...

Математика перевода

В курилке кипела настоящая жизнь. Там обсуждались местные сплетни и события мирового масштаба. Иногда говорили на производственные темы, но все больше о том, как заработать переводами где-то еще, потому что штатным сотрудникам делать переводы в родной конторе было запрещено. Именно поэтому все промышляли на стороне, в том числе работая и на различных мероприятиях устными последовательными переводчиками или обычными «линейками». Многие, кто не боялся, что уволят, или не владел устным переводом – классические traducteurs работали через подставных лиц. То есть, в редакцию приходил человек, брал работу, а выполнял её сам редактор, который и принимал этого же человека на договор. После начисления гонорара на сберкнижку, человек снимал деньги и передавал их редактору.

Расценки на переводы не впечатляли воображение, но если работать много и быстро, то вполне можно было заработать на что-нибудь значимое. Сотрудники центра, имевшие машины, были в авторитете. Все знали, что их «Москвичи», «Жигули» и «Волги» добыты собственным интеллектуальным трудом, который бывает весьма очень тяжким. Иногда, когда было необходимо срочно перевести большой объем текста, работали бригадами, деля текст на куски и договариваясь о терминологии. Работали днем и ночью. За сроч-

ность хорошо доплачивали. Но такие, казалось бы, «гиблые» работы, попадали только в опытные руки и за них тоже шла нешуточная борьба.

У Бори Былыма, с которым я познакомился в курилке, не было машины, хотя, казалось бы, он мог на неё заработать, будучи наблюдателем в Карачи. Да и одевался он как-то не солидно. Все время ходил в свитере и джинсах. Правда, когда работал в международном отделе временами носил пиджак и даже повязывал галстук. Но однажды Боря перевели в отдел приема заказов на совсем скучную работу.

Стоимость переводов для заказчиков была достаточно высокой, в три раза больше чем получал переводчик, и заказывать переводы имели право только официальные организации. В основном это были различные НИИ, где собственные переводческие отделы не справлялись с большими объемами, и государственные организации. Частные лица не могли заказать перевод в ВЦП, поэтому зачастую даже не знали каким образом его сделать, если появлялась такая необходимость. В основном, обращались к знакомым. А необходимость в этом была не только у советских граждан, но и у многочисленных иностранных студентов, особенно во время защиты дипломов и курсовых, которые они по обыкновению писали сначала на своих родных языках, а потом должны были переводить их на русский. Либо что-то переводить с русского, когда готовили эти самые работы. Переводы на язык требовали более высокой квалификации и всегда стоили до-

роже. Поэтому в ВЦП редакция переводов с английского и на английский язык были разделены, а переводчики, способные переводить именно на язык носителей, тоже составляли особую когорту.

В один из дней, выкурив по сигарете, мы с Борей родили наглый план. Его младший брат учился в Университете Патриса Лумумбы и в стенах данного учебного заведения распространял знание о том, где в Москве можно сделать перевод любой сложности и на любую тему. Темнокожие заказчики приходили в отдел заказов именно к Боре. Тот выслушивал их, показывал расценки для заказчиков, а затем разводил руками и говорил, что Центр и без того перегружен переводами, переводчики все заняты и на вопрос «что же все-таки делать» отправлял африканских братьев ко мне со словами: «Может быть, Вадим Валерьевич» вам чем-нибудь поможет. Ну, если не он сам, то найдет кого-нибудь еще».

Приятно было работать, понимая, что дисбаланс в оплате труда, вызванный наличием посреднической прокладки, устранен, но однажды... Однажды, количество темнокожих, посещавших Центр переводов перевалило через критическую массу. Сотрудники недоумевали: «Какого черта им всем тут надо?» Вместе со всеми остальными заметался по лестницам и коридорам организации начальник отдела кадров старый сталинский сокол Александр Михайлович Гиацингов. Несмотря на большие, из-за многолетнего курения напрашивающиеся на ампутацию ноги, он по несколько

раз бегал по лестнице с первого на третий этаж и обратно, а Боря на голубом глазу отвечал: «Я им объясняю, объясняю, что мы принимаем заказы только от организаций, а они всё идут и идут».

С Гиацинтовым связана еще одна коротенькая, но смешная история. Случалось, что в ВЦП каким-то образом брали на работу явно убогих людей, среди которых были «специалист» по поэзии Пушкина Коля и курьер Володя. Колю уволили почти сразу, ибо он, находясь в здании не всегда знал куда надо идти, и подолгу искал редакцию, в которой работал. Володя продержался ненамного дольше. Рабочего места у него не было, и он целыми днями отирался либо в секретариате, либо все в той же курилке, где приставал к людям со странными вопросами и требовал на них развернутых ответов. При этом он пристально смотрел в глаза, словно пытаясь убедиться, не обманывают ли его, крутил пуговицы на пиджаке собеседника и смачно выдыхал дым ему же в лицо.

В присутствии Володи все курили быстро, без всякого удовольствия и старались ничего не говорить. Своих сигарет у Володи тоже никогда не было, а курил он каждые пять минут, поэтому собираясь на работу, нужно было помнить и об этом обстоятельстве тоже, чтобы лишний раз не выходить к табачному киоску на улице или не становиться таким же попрошайкой среди коллег.

Когда было тепло и не надо было никуда ехать, Володя

спал прямо во дворе конторы на картоне от больших коробок из-под прообразов первых компьютеров, на которых целый отдел Центра пытался развивать автоматизированный перевод весьма похожий на нынешний PROMT, куски из которого публично зачитывались все в той же курилке вместо анекдотов.

Именно там в один из дней Володю застала секретарь директора Наталья Михайловна, поручив ему важное задание, а именно съездить в Госкомитет и забрать какую-то важную депешу для начальника отдела кадров. К удивлению многих, Володя успешно осилил дорогу туда и обратно, а дальше что-то пошло не так, потому что Гиацинтов, явно сильно хотевший в туалет, наматывал бешенные круги по конторе в силу его занятости, а Володя бегал за ним как собачка с воплями «вам бумага». Гиацинтов отмахивался от него рукой, петлял как заяц и показывал спину, стараясь находиться в зоне мужского туалета. И как только из него вышел сотрудник, тут же нырнул в освободившуюся кабинку, громко щелкнул шпингалетом и вместе с разного рода запахами простой и диетической столовой испустил характерные звуки и вопли облегчения. Но Володя оказался настойчив. Перегнувшись через невысокую дверь, он навис над Гиацинтовым с конвертом в руках: «Александр Михайлович, возьмите бумагу!»

Курить – здоровью вредить

Когда в самый первый день я появился в ВЦП, то все встречавшиеся мне сотрудники, здороваясь со мной, говорили: «Здравствуйте, Андрей! Здравствуйте, Андрей!» «Фу, черт, – думал я, – откуда им известно, что мой отец и мать чуть было не развелись на почве разногласий по поводу моего имени?» Отец очень хотел, чтобы меня звали Андреем, а мать Вадимом. В споре победила мама, но надо было знать моего отца, который, когда пришло время получать паспорт, вызвался пойти за ним вместе со мной. «Зачем? – спросил я, – зачем тебе тратить время, которого у тебя и так никогда нет». «Ну, чтобы поддержать тебя, – ответил отец, – в особенности, если ты все-таки захочешь сменить имя на Андрей, о чем мы с тобой уже когда-то говорили». Я взвился в негодовании и сказал: «Во-первых, мне не нравится это имя, а во-вторых, как ты себе это представляешь? Все десять лет меня в школе и во дворе, а также мои другие многочисленные знакомые знали, как Вадима, а теперь я буду каждому из них объяснять, что я Андрей, нет уж фиг!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.